
«ПАДЕНИЮ МОНАРХИИ ПРЕДШЕСТВОВАЛО ЧИСЛЕННОЕ И КАЧЕСТВЕННОЕ ОСКУДЕНИЕ МОНАРХИСТОВ...»: О ПРИЧИНАХ ЗАКАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.П. Корелин

Центр истории России в XIX в.
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

Статья посвящена анализу причин распада в 1917 г. Российской Империи. Автор рассматривает имперские образования как особый тип государственности, приводит их характерные черты и через призму этих компонентов в сжатой форме пытается проследить процесс формирования Российской Империи, эволюцию российских властных структур, идейно-религиозных и политических обоснований легитимности верховной власти, показать место и роль этнонационального вопроса в судьбах страны, а также влияние внешних и внутренних политических, экономических и социокультурных факторов на процесс эволюции империи.

Ключевые слова: самодержавие, монархия, империя, ассимиляция, интеграция, русификация, национальный вопрос.

Февральская революция 1917 г. ознаменовалась драматическим падением имперско-монархического режима, а вслед за тем и распадом Российской Империи. Причины, приведшие к столь стремительному краху огромного евразийского колосса, расцениваются исследователями весьма неоднозначно. Сходясь во мнении об их комплексном характере, одни исследователи склонны считать превалирующим духовный кризис, секуляризацию общественного сознания, особенно с утратой веры в сакральный характер верховной власти. Другие главную причину видят в особенностях «русской натуры», устремленной в запредельные мечты о построении справедливого общества, склонной к различного рода крайностям, и выдвигают на первый план разрушительную для самодержавия и империи деятельность леворадикальных и либеральных сил. Третьи убеждены в решающей роли нараставших противоречий между традиционными и новейшими капиталистическими укладами в экономическом, социокультурном и политическом развитии страны (1).

Проблема весьма обширна, во многих своих аспектах недостаточно исследована и дискуссионна, и потому в рамках статьи представляется целесообразным, оттолкнувшись от составляющих ее основных компонентов, постараться в сжатом виде проследить эволюцию этого особого типа государственного образования, каким была Российская Империя. При всем много-

образии определений сути империи главными ее составляющими большинство исследователи считают следующие черты – прежде всего это «сверхдержава», с сильной централизованной, чаще всего монархической властью, с ярко выраженными экспансионистскими устремлениями, с полиэтническим составом населения, находящимся на разных стадиях и уровнях развития, с достаточно четко выраженным комплексом имперских идейных концепций и имперским сознанием, присущим прежде всего правящим «верхам».

Формирование этих признаков в истории российской государственности прослеживается задолго до официального провозглашения России империей Петром I. И даже став с середины XIX в. на путь капиталистической модернизации, она еще вполне удовлетворяла приведенным компонентам. Более того, и в последующие десятилетия налицо, казалось, были все признаки ее успешной эволюции и даже модернизации. Самодержавно-монархический режим вплоть до начала XX в. представлялся непоколебимым. Территориальная экспансия продолжалась вплоть до конца 70-х гг. XIX в. (Средняя Азия), сохранялись и геополитические устремления (черноморские проливы, покровительство балканским славянам, проникновение в Корею, Манчжурию, участие в военно-политических союзах и т.п.). Численность населения продолжала быстро расти (с 74,5 млн в 1858 г. до 178,4 млн в 1914 г.), но теперь уже в основном за счет внутренних ресурсов. Статус великой державы поддерживался достаточно заметными, хотя, как мы теперь знаем, и относительно успешными в экономической сфере. С 80-х гг. XIX в. по темпам роста промышленности и объемам валовых сборов сельскохозяйственных культур Россия стояла на уровне передовых стран Запада (2). Особенно высокими темпами экономического роста отличались вторая половина 1890-х гг. и предвоенное пятилетие, что внушало оптимистические прогнозы.

Однако внутреннее состояние империи становилось все более противоречивым и неустойчивым. За средними агрегированными статистическими показателями скрывались существенные региональные различия в уровне, темпах и качестве экономического развития. По показателям выпуска промышленной продукции на душу населения Россия заметно отставала от передовых стран Запада. В аграрном секторе экономики преобладал экстенсивный, по преимуществу общинный тип крестьянского хозяйства. Модернизационные процессы вели к формированию новых социальных страт, присущих буржуазному обществу. Но они накладывались на традиционалистские социокультурные уклады (сословия, крестьянская община, ремесленные цехи и т.п.), сохранявшие жизнеспособность в условиях как сравнительно низкого уровня развития большинства регионов, так и в результате поддержки их самодержавным режимом.

Самодержавие, как форма государственного правления, занимало особое место в судьбах России и империи. Оно сыграло важную роль не только в становлении и укреплении российской государственности, определении и защите границ огромной страны, но и в формировании особой формы на-

ционально-государственного самосознания, особого типа правовой культуры (традиционное обычное право), существовавшего параллельно с западноевропейским типом, базировавшимся на формулах римского права.

Вместе с тем исследователи отмечают, что на протяжении едва ли не всей истории имперской России главное содержание внутренней государственной политики составляла борьба двух тенденций, обусловленная необходимостью задач, встававших перед страной.

С одной стороны, самодержавие, являвшееся по сути своей институтом феодальной эпохи, стремясь укрепить, по возможности в неизменном виде, свои позиции, пыталось, обычно под флагом отстаивания национальной самобытности страны сохранить старый режим и его социально-экономическую базу (огромное государственное хозяйство, сословность, общинную организацию деревни и т.п.). И для этого была почва в виде традиционных социально-экономических укладов и общественной ментальности.

С другой стороны, власть предпринимала неоднократные попытки преодолеть связанные с этим стагнационные явления, грозившие отбросить страну назад, снять или, по крайней мере, смягчить неуклонно обострившиеся социальные напряжения, грозившее социальным взрывом. Со времен Петра I Россия стала частью мирового сообщества, и российский абсолютизм вынужден был так или иначе приспособляться к процессам, протекавшим в странах Запада. Это было важно, чтобы не допустить катастрофического отставания страны и потерю ею статуса великой державы. Проблемы решались путем дозированных реформ, которые позволяли несколько модернизировать экономику, властные и общественные структуры. Перенимая технические и культурные достижения Запада, правительство невольно вынуждено было заимствовать и политико-юридические новации и институты, а это открывало какие-то возможности для буржуазной эволюции общества и государства.

На неизбежность этих последствий еще в начале XIX в. указывал М.М. Сперанский. Перечисляя меры правительства по упорядочению государственного управления, сближению сословий, по распространению просвещения и т.д., он отмечал, что стремление ограничить преобразования и сдерживать последствия этих мер бессмысленно. «Какое... противоречие, – писал он, – желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях... чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения – свободой. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться» (3).

Фактически весь XIX в. и начало XX в. в истории империи были переходной эпохой от аграрно-традиционного общества к обществу индустриальному. Процесс этот был противоречивым, волнообразным. За умеренно-либеральными реформами царствования Александра I (1801–1825) следовало правление Николая I (1825–1855) с его устремлениями к построению «правомерного», действующего в рамках закона самодержавия, бюрократи-

чески регулируемого государства. Системные преобразования «Царя-Освободителя» Александра II (1855–1881), отменившего крепостное право, введшего местное самоуправление, современную судебную систему и т.д., сменил курс Александра III (1881–1894) с его «контрреформами», укреплением сословности. Наконец, царствование последнего российского императора Николая II ознаменовалось новыми попытками вывести страну из кризисной ситуации начала XX в. на путь эволюционного развития, в том числе и путем введения «народного представительства». При этом изменения курса правительственной политики обуславливались не только и даже не столько личностными особенностями монархов, их пристрастиями и особыми представлениями о путях развития страны, на что обычно в первую очередь обращается внимание, но также и результатами тех или иных преобразований, проведенных их предшественниками, борьбой традиционалистских ценностей с последствиями модернизационных реформ. Однако при всех колебаниях курса внутренней политики основной его стратегической целью оставалось сохранение самодержавия.

Формально вплоть до начала XX в. полнота царской власти никакими юридическими нормами и общественными институтами не ущемлялась. «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный, – гласила первая статья Свода законов Российской империи. – Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

Правда, в самой системе абсолютизма еще с XVIII в. достаточно отчетливо прослеживаются определенные «подвижки» от средневекового деспотизма к «правовой монархии». Возникает система учреждений (Сенат, Государственный совет, Комитет министров и т.д.), так или иначе принимавших участие в обсуждении вопросов государственного управления. Создана была законодательная (Полное собрание законов Российской Империи) и нормативная база (Свод законов Российской Империи), регламентировавшая структуру и компетенцию всех органов государственного и общественного управления, определявшая сословно-социальную иерархию общества, личные права и обязанности подданных. Сформировался и продолжал численно расти бюрократический аппарат, который, оставаясь в целом орудием верховной власти, приобретал относительную самостоятельность.

В среде российской бюрократии под влиянием знакомства с западными интеллектуальными течениями и внутренними потребностями страны формируется тип гражданского чиновника, признающего верховенство закона как нормативный принцип устройства государства и общества. И в самом обществе едва ли не с момента утверждения самодержавия возникает идея ограничения верховной власти путем введения того или иного вида представительных учреждений. Однако слабость и неразвитость общественных сил были причиной того, что все попытки ее ограничения вплоть до начала XX в. «не имели последствий».

Базовые принципы самодержавной идеологии также были заложены ее адептами задолго до официального провозглашения России империей. Эта

тема постоянно привлекала внимание целого ряда мыслителей, публицистов, писателей, государственных и общественных деятелей.

В первой половине XIX в. сакральная идея происхождения самодержавия, исторической обусловленности такого типа верховной власти в России была возведена в ранг национальной идеологической доктрины, нашедшей воплощение в сжатой, но замечательно емкой уваровской «триаде» – «православие, самодержавие, народность». Во второй половине XIX – начале XX в., в годы особой актуализации этой проблемы, ей отдали дань такие известные публицисты, ученые, религиозные деятели, как М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Иоанн Кронштадский, Л.А. Тихомиров и др. Но, как отмечают исследователи, никаких новых дополнений в эту доктрину, ставшей государственной, представители консервативной мысли внести не смогли (4). В общественно-политической жизни страны тон задавали уже не они.

По мере появления и вызревания новых общественных сил росло недовольство существующим режимом, и прежде всего – интеллектуальных слоев общества. Недовольство это постепенно перерастало в политическую оппозицию власти, что особенно заметно стало в пореформенные десятилетия. Известный либерально-консервативный деятель Б.Н. Чичерин в конце 70-х гг. XIX в. отмечал, что самодержавная неограниченная власть, имевшая огромные заслуги перед Россией, ныне не отвечает требованиям времени. «Самодержавие, которое везде играет роль воспитателя юных народов, – писал он, – не соответствует уже эпохе их зрелости. По существу своему оно не в состоянии поднять народ выше известного уровня. Оно может дать все, что совершается действиями власти, но оно не в силах дать того, что приобретается свободой» (5).

К середине XIX в. в западноевропейских странах фактически завершился процесс утверждения конституционно-монархических форм правления. Российское же самодержавие, вынужденное под давлением внешних и внутренних обстоятельств приступить к некоторой модернизации социально-экономических и отчасти надстроечных структур, пойти на некоторое расширение местного самоуправления, категорически отвергало любые попытки введения общественного представительства в высших государственных органах. Такова была судьба довольно многочисленных либерально-консервативных проектов – от «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского (1809 г.) до «конституции» М.Т. Лорис-Меликова (1880 г.), от «Кондиций» верховников (1730 г.) до дворянских и земских адресов и ходатайств 60-х и середины 90-х гг. XIX в.

Постепенно, с формированием новых социальных страт, с ростом общественного движения и самосознания давление на власть так называемой «общественности» усиливается. С конца XIX в. набирает силу процесс складывания и организационного оформления многочисленных общественных объединений и движений. В начале XX в. насчитывалось уже более 150 всероссийских, региональных и национальных политических партий и органи-

заций самых различных политических направлений – от леворадикальных и либеральных до консервативных и охранительных. Правда, численность их членов вплоть до 1917 г. не превышала 0,5% населения (6). Их сила и влияние во многом зависели от того, насколько они могли опереться на поддержку народных масс. Массовое же протестное движение, в том числе и в национальных районах, во многом имело экономический и лишь отчасти политический и национально-освободительный характер. Все чаще власти для его подавления применяли военную силу, что не могло не сказаться на падении престижа монархии. Тем не менее, законодательство по-прежнему представляло императора как «помазанника Божьего», правая пресса пыталась внедрить этот тезис в массы.

Известный идеолог самодержавия М.Н. Катков писал в 1882 г.: «Русскому царю дано особое отличие от других властителей мира. Он не только государь своей страны и вождь своего народа. Он Богом поставлен блюстителем и охранителем православной Церкви. Русский царь не только наследник своих предков, он преемник кесарей» (7). При обсуждении проекта указа 12 декабря 1904 г., в котором был и пункт о введении представительства, К.П. Победоносцев убеждал Николая II, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом».

И все же процесс десакрализации верховной власти неуклонно нарастал. Среди интеллигенции и даже в промонархических кругах царь все более осознавался лишь как политическая фигура, носитель верховной власти, наделенный огромными полномочиями, которые следовало бы существенно урезать или даже вообще упразднить.

Под давлением первой российской революции император 17 октября 1905 г. издал манифест, обещавший введение политических и гражданских свобод, и вынужден был согласиться на принятие новой редакции Основных законов Российской Империи, которая формально ограничивала его абсолютную власть двухпалатным представительством (Государственный совет и Дума). Последнее усилие власти вывести империю на путь мирного эволюционного развития было связано с именем премьера П.А.Столыпина (1906–1911 гг.).

Столыпинский план реформ интересен как весьма энергичная, но запоздалая попытка сочетать стратегический консерватизм с тактическим радикализмом либеральных мер (признание «народного представительства», но при сохранении важнейших прерогатив монарха, ликвидация сословности в системе местного управления, но при обеспечении руководящих позиций за «коронной» и дворянством, завершение аграрной реформы и создание из крестьян-собственников «среднего класса», но в качестве новой опоры монархического режима, расширение компетенции местного самоуправления, но при усилении контроля со стороны властных структур и т.д.). Создание сильного правового государства национального согласия

(так можно сформулировать главную задачу проекта) фактически имело целью примирение самодержавных начал с законностью и правопорядком.

При всех спорах о характере сложившейся властной системы («лжеконституционализм», конституционная монархия, дуалистическая монархия и т.п.) все же следует признать, что Основные законы по существу были российской конституцией, что они являлись фактически переходной моделью будущего политического и социально-экономического устройства государства. Однако в условиях переходного времени, в силу крайней политической и социальной нестабильности страны, неустойчивости и объективной нецелостности государственной системы, засилья традиционалистских пережитков в сознании и быте огромного большинства населения (крестьянство, являвшееся главным их носителем, составляло около 75%), в силу незрелости трансформирующегося правового и политического сознания общества они так и не стали новой основой легитимности власти.

Точка необратимости преобразований еще не была пройдена, и это сыграло свою роль в сохранении, а затем и нарастании социальной и политической напряженности в стране. Российское общество оказалось в политическом и социально-экономическом отношении крайне поляризованным, раздробленным, свидетельством чего и являлось обилие политических партий и организаций, отсутствие единства в действиях как оппозиции, так и монархического лагеря. Сословный эгоизм и консерватизм дворянства, социально-политическая недалекость российской буржуазии, недостаточно высокий уровень политического и культурного развития основной массы населения – все это представляло мощный депрессивный фактор, тормозивший буржуазную модернизацию страны и вносивший растерянность в правящие круги. В условиях нестабильной ситуации, находясь под прессом жесткой критики и справа, и слева, потеряв поддержку монарха, Столыпин был вынужден фактически свернуть политическую часть своей программы, что лишь загоняло «болезнь» внутрь.

Патриотический подъем, наблюдавшийся в первый год разразившейся мировой войны, на время умерил противоречия между социальными и политическими силами в стране. Но вскоре, после ряда военных неудач и обострившихся хозяйственных и продовольственных трудностей, антиправительственные настроения и разлад в самих правящих кругах достигли такого уровня, что Николай II был вынужден отречься от престола. Глубину политического кризиса характеризует тот факт, что император лишился поддержки даже промонархических кругов. Последний съезд уполномоченных губернских дворянских обществ, состоявшийся в декабре 1916 г., в своей резолюции фактически выразил недоверие верховной власти. «XII Съезд Объединенных дворянских обществ, искони преданных своим Самодержцам, – отмечалось в принятом после бурных прений итоговом документе, – с великой скорбью усматривает, что в переживаемый Россией грозный исторический час, когда для крепости и единства государства является особо

важным монархическое начало, эта вековая основа государства претерпевает колебания в своих устоях». И далее шло перечисление «грехов» власти в сфере православной церкви, в гражданском управлении, в экономике страны, которые породили разруху во всех областях народной жизни (8).

Некоторые уполномоченные выразили даже несогласие с употреблением в резолюции самого термина «самодержец», несогласного, по их мнению, с самим существом новой редакции Основных законов. «К 1917 г., в атмосфере неудачной войны, все созрело для революции, – писал известный русский историк Н.А. Бердяев. – Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция. В народе ослабли и подверглись разложению те религиозные верования, которые поддерживали самодержавную монархию» (9). Ему вторил Н.Е. Марков, один из ревностнейших монархистов: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники. Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли» (10).

С падением самодержавия Российская империя лишилась своего стрежня и скреп. На рубеже XIX–XX вв. она представляла собой уникальную для Европы картину структурной неоднородности и этнического многообразия. По данным переписи 1897 г., в ней насчитывалось более 140 различных этносов, сохранивших свой язык и культуру, исповедовавших едва ли не все основные мировые религии и находившихся на самых разных уровнях экономического, социокультурного и политического развития. Сохранение такого этнического и цивилизационного многообразия свидетельствовало о том, что власти не удалось в сколько-нибудь значительной мере ассимилировать население присоединенных территорий.

Русские, государствообразующий этнос, составляли всего лишь 44,3% населения и фактически ни по правовым, ни по материально-бытовым и культурным параметрам не являлись господствующей нацией. Более того, отдельные нерусские этносы пользовались даже некоторыми преимуществами по сравнению с русскими, особенно в сфере налогообложения и отправления воинской повинности. В сущности, Россия и не была типичной колониальной державой. Ее внешняя экспансия, определявшаяся прежде всего имперскими устремлениями верховной власти, не имела целью получения прежде всего каких-либо экономических выгод и диктовалась прежде всего военными, геостратегическими соображениями. Империя имела государственный центр, но фактически он также не был типичной метрополией. Взаимоотношения центра и присоединенных территорий в значительной степени обуславливалось временем, способом присоединения, уровнем развития входивших в состав империи народов. Причем расширявшиеся пределы империи укрепляли представления самих самодержцев и их идеологов в необходимости исключительных прерогатив верховной власти как гаранте ее целостности и неделимости.

Централизаторские тенденции в организации управления регионами просматриваются на всем протяжении имперской истории. Но если еще в первой половине XIX в. эта тенденция умерялась необходимостью сотрудничества с местными элитами, вплоть до предоставления автономии некоторым регионам (Польша, Финляндия, Бессарабия, Прибалтика), толерантностью в конфессиональных и культурно-языковых вопросах и т.п., то со второй половины века все более отчетливо берет верх стремление к возможно более полной интеграции присоединенных территорий. После восстаний 1830 и 1863 гг. теряет политическую автономию Польша, превратившаяся в наместничество с 10 привислянскими губерниями. Постепенно утрачивают административные и сословно-корпоративные особенности прибалтийские губернии (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия), объединенные в одно генерал-губернаторство. Начинается наступление на автономию Финляндии. Усиливается тенденция к русификации всей деловой и культурной жизни страны: на русский язык переводится административное делопроизводство, в школьном образовании, в литературе, печати, культурной жизни вводятся ограничения на пользование национальными языками, в конфессиональной сфере усиливаются преследования сектантов, возобновляются попытки насильственной христианизации поволжских этносов (чувашей, марийцев, мордвы, татар), ужесточается дискриминация евреев и т.д.

Обусловливался этот поворот в имперской политике рядом факторов: с одной стороны – объективными интеграционными процессами в экономике, усиливавшейся миграцией населения, урбанизацией, требовавшими единого правового и культурного пространства; с другой стороны – традиционными субъективными устремлениями власти к централизации и унификации управления, русификации и христианизации населения империи, а также возраставшим сопротивлением нарождавшейся национальной интеллигенции и ростом национального самосознания широких масс. Последнее обстоятельство, в свою очередь, в значительной мере было следствием более быстрого экономического и культурного развития окраин, в основном западных регионов, что обостряло проблему нарастания национальных движений.

В целом же вплоть до начала XX в. самодержавию удавалось, за немногими исключениями, сдерживать открытые протестные выступления на этнической почве. Центростремительные и центробежные тенденции, относительное равновесие которых составляет объективную основу самого существования империй, уравнивали друг друга. К тому же формирование наций в России, как считают исследователи, тормозилось феодальным, донациональным характером самой империи, низким материальным и культурным уровнем основной массы населения, длительное время лишенного политических и гражданских прав (11). Фактически эти же факторы, а также неподвижность широких слоев населения (к началу XX в. более 90% населения с рождения не меняло места жительства), неразвитость национального

самосознания, приверженность к монархически-династическим принципам власти, сословной организации общества и т.п. обусловили как определенную прочность базы имперско-самодержавного режима, так и неудачи политики ассимиляции. Не удалось добиться существенной унификации даже в административно-управленческой сфере: из 89 губерний и областей лишь 50 управлялись на основании общего законодательства, а остальные – на основании «особых положений» (12). Этнические и религиозные факторы играли подчиненную роль во внутренней политике правительства – культурная русификация и форсированная цивилизующая миссия не являлись ее первичными целями. К тому же недостаточная привлекательность ассимиляции объяснялась и самим материальным, культурным и политическим положением русского народа, не обремененным какими-либо особыми привилегиями.

Лишь революция 1905–1907 гг. и ее завоевания привели к активизации, к социальной и политической мобилизации всех слоев населения. Обычно исследователи сосредоточивали свое внимание на событиях в столицах и центральных губерниях империи. Но, как показывает более детальный анализ, наиболее массовым характером революционных выступлений выделялись именно периферийные, национальные регионы (Польша, Прибалтика, Кавказ, Украина). Причем пока социальные факторы в большинстве окраин играли более важную роль, чем национальные. Более того, в ряде регионов социальные «низы» выступали против местных элит (например, эстонские и латышские крестьяне против прибалтийского немецкого дворянства, украинские, литовские и белорусские крестьяне против польских помещиков и т.д.). Это обстоятельство облегчало задачу правительства, которое, используя политику *divide et impera*, смогло удержать империю от распада. Тем не менее, первая российская революция стала важным шагом в становлении и развитии национальных движений.

В годы мировой войны, вплоть до февраля 1917 г., выступления на национальной почве не играли существенной роли. Тем более, что наиболее активные в этом плане регионы (Польша, Прибалтика, Украина, Белоруссия) оказались оккупированы неприятелем. В Февральской революции отразился сложный сплав социальных и национальных противоречий, что обуславливалось социально-этнической структурой империи. Оппозиционные силы ожидали, что свержение самодержавия автоматически приведет к решению национального вопроса. Однако последующие события показали, что революция, наоборот, подтолкнула и усилила национальные движения. Временное правительство, продолжая имперские традиции, видела свою задачу в сохранении России «единой и неделимой». Правда, законодательство, дискриминировавшее национально-этнические группы населения, было отменено. В полной мере была восстановлена автономия Финляндии и Польши. 10 июня 1917 г. Украинская Рада провозгласила автономию Украины, и Временное правительство признало ее. Но окончательное решение национального вопроса было отложено до Учредительного собрания. Эта тактика

сдерживания и выжидания, в конце концов, привела к нарастанию масштабов и радикализации национальных движений.

В сентябре 1917 г. в Киеве состоялся Конгресс народов России: 93 делегата представляли все более или менее крупные этносы (за исключением поляков и финнов). Временное правительство пошло на уступки и объявило о предоставлении народам права на самоопределение. Но было уже поздно. Пришедшие на смену монархии ранее оппозиционные ей силы, в условиях продолжавших военных действий, не располагали необходимыми возможностями даже для поддержания status quo. До лета 1918 г. от России отделились Польша, Литва, Латвия, Эстония, большая часть Белоруссии, оказавшиеся под протекторатом Германии; затем Финляндия, Бессарабия, Грузия, Армения, Азербайджан. Неопределенная ситуация в ходе начавшейся гражданской войны сложилась в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе. Центробежные тенденции, фактически при отсутствии какой-либо сдерживающей силы и при потере контроля над оккупированными территориями, привели к окончательному развалу двухсотлетней Российской Империи.

Итак, Россия, оказавшись под неотвратимым влиянием модернизационных процессов нового времени, не смогла мирным, эволюционным путем трансформироваться в новое государственное образование буржуазного типа. Постепенно утрачивая свои имперские черты, сложившиеся еще в феодальную эпоху (неограниченное самодержавие с его мощным военным и административным аппаратом, сакральное обоснование легитимности верховной власти, иерархически-сословная организация общества, полновластное господство в системе управления присоединенными территориями и т.п.), империя в чрезвычайных обстоятельствах военного времени оказалась не в состоянии противостоять центробежным устремлениям социально-политических и этнонациональных сил. Тем не менее Россия сохранила ядро своей государственности, дававшее перспективу возрождения ее как великой державы, что позднее и произошло, но уже в совершенно иных условиях и в новом качестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. – М., 2002; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. – М., 2001; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 109–357; *Российская империя в зарубежной историографии.* – М., 2005; *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1997; и др.
- (2) *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003; *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX в.). – С. 22–233.
- (3) *Сперанский М.М.* Проекты и записки. – М.; Л., 1961. – С. 156.
- (4) *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. – С. 154–158.

- (5) *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997. – С. 54–55.
- (6) *Мионов Б.Н.* Социальная история России... – Т. 1. – С. 20; Политические партии в России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. – М., 1996. – С. 5, 9.
- (7) Московские ведомости. – 1882. – 8 сентября. – № 249.
- (8) Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. – М., 2002. – Т. 3: 1910–1916 гг. – С. 713.
- (9) *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьбы России. – М., 1997. – С. 214.
- (10) Цит. по: *Боханов А.Н.* Николай II. – М., 1997. – С. 360.
- (11) *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. – М., 2005. – С. 399.
- (12) Административные реформы в России: история и современность. – М., 2006; *Корелин А.П.* Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. – М., 2007. – С. 175–197.

**«MONARCHY DOWNFALL WAS PRECEDED
BY MONARCHISTS DECLINE IN QUALITY AND QUANTITY...»:
ON CAUSES OF RUSSIAN EMPIRE SUNSET**

A.P. Korelin

Centre of Russian History in 19th Century
The Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dm. Uljanova Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article is devoted to the causes of the Russian Empire breakup. The author studies imperial foundations as a particular type of statehood, shows their features in the light of these components and tries to trace the process of the Russian Empire formation, the evolution of Russian Imperious structure, ideological-religious and political basis of supreme authority legitimacy, show the place and role of ethno-national problem in history of countries.

Key words: Autocracy, monarchy, empire, assimilation, integration, russification, national problem.